

Иван Евсеенко-

младший

Инфант

стихи и проза

Иван Евсеенко
Инфант (сборник)

«Издательские решения»

2015

Евсеенко И. И.

Инфант (сборник) / И. И. Евсеенко — «Издательские решения»,
2015

В очередную книгу Ивана Евсеенко-младшего вошли рассказы
и стихотворения, написанные в разные годы (1993—2014). Проза и поэзия
автора пропитаны юмором, причем не всегда белым...

Содержание

В ожидании	6
Собеседник	10
Инфант	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Инфант
стихи и проза
Иван Евсеенко-младший

© Иван Евсеенко-младший, 2015

© Сальвадор Дали, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

В ожидании

Этот белый старик, копошащийся всякое утро в мусорном контейнере, называл нас с Джоном Стейлбеком чернозадыми неудачниками...

– Вы произведены на свет для разницы, – кряхтел он, сортируя по многочисленным пакетам недоеденные, точно кем-то лениво надкусанные половинки булочек для чизбургеров, – не будь таких ублюдков как вы, приличные граждане не имели бы в своих головах рьяного стремления к праведной жизни. Год, максимум, два, и вас либо зарежут такие же как вы в темном переулке, либо подвесят на какой-нибудь ржавой перекладине. Так что наслаждайтесь пока. Дышите воздухом жизни, грейте свои чумазые рыльца под щедрым бруклинским солнышком.

Джону, стариковская нравоучительная брань, ох как не нравились, и я частенько замечал в такие минуты, как его маленькие кулачки сжимались в глубоких карманах шорт. Мне тоже особой радости слова старика не доставляли. От отчаяния я что-то иногда в ответ повякивал сквозь зубы, но в большинстве случаев помалкивал, в глубине сердца соглашаясь и смиряясь с предсказываемой судьбой. Да и имел ли я право ожидать чего-то лучшего? Моя семья с некоторых пор перестала быть семьей. Все ее члены постепенно, словно по мере моего взросления, отстранились от меня, махнули рукой на мое будущее, превращаясь на глазах в чужих людей и почти врагов. Особенно доставал старший брат. Всё то, чем иной раз старались баловать родители, будь то сладости или игрушки, с жестокой ухмылкой отбирались, а после я чувствовал на своей голове довольно увесистые тумачи. К тому же я был поноватым и видимо поэтому моя кожа напоминала девичью. Эту физиологическую особенность скоро подметили, как родня, так и одноклассники и словно по какой-то тайной договоренности стали называть меня «оно».

– Вот идет «оно»! – кричал мне вслед кто-нибудь из собратьев по школе, – смотрите, как шевелит бедрами! У меня аж встает! Эй ты, бедрастая шлюха, возьмишь в рот? Ха-ха! Черномазая давалка, не забудь подмыться...

Или:

– Зачем вы покупаете ему шоколадные кексы? – зло усмехался брат, – он и так уже не влезает в джинсы, купите ему женские, у них бедра шире скроены. А кексы отдайте мне или сестре.

У Джона тоже жизнь была не ахти. Его отец постоянно и безрезультатно искал работу и потому беспробудно синячил, а мать в дни его бесконечных запоев за двадцатку обслуживала таксистов, чтобы кое-как прокормить отца и троих детей. О Джоне вспоминали только тогда, когда требовалось заполнить документы дабы время от времени получать бесплатную одежду и консервы от благотворительных организаций.

Но были голуби. Лишь они дарили своим видом радость, наполняли жизнь каким-то необъяснимым смыслом. В чем заключался этот смысл, в те дни мы не понимали. Сейчас, вроде, все ясно – красота, чистота, свобода... Может оно и так. Но тогда... Тогда мы просто умилялись их белизне, породистости, пушистым лапкам и... и тому, что они всегда возвращаются. Да, наверное, это главное. Ради них мы с Джоном были готовы на всё. Даже умереть, наверное, были готовы. Хотя...

Тот день выдался пасмурным. Солнце, о котором нам частенько напоминал старик, куда-то подевалось, а заводские трубы выпустили столько смога, что небо сделалось почти черным с крохотными бесформенными окошками тусклого света. Эти окошки постоянно смещались от высокого ветра и иногда казалось, что небо мигает и мигает именно нам. Причем, как-то не по-доброму.

Рони Стелфорд – одноклассник, белый, тезка моего старшего брата, слыл отъявленным ботаном и скупердяем. У него было всё и даже больше чем надо. Прежде всего, любящие роди-

тели. А там, как следствие: новенький мотоцикл, баскетбольный мяч и японский набор для гольфа. В школу его всегда подвозили на семейном, цвета бычьей крови Chevrolet El Camino, в крайнем случае на такси. И он, говоря по чесноку, выходил полной противоположностью нам с Джоном, если бы, конечно, не голуби.

Также как и мы, Рони души в них не чаял. Его отец, дабы поддержать интерес сына, как-то нанял двух дородных плотников и те почти за неделю выстроили у них во дворе отличную голубятню – высокую, со множеством отсеков и регулируемыми бельгийскими летками. И та вскоре ожила. Наполнилась пернатыми разных пород и видов. Дутыши, турманы, роллеры – кого там только не было! Мы с завистью ходили полюбоваться на этих белоснежных полуангелов. Издали, разумеется. Во двор родители Рони нас не пускали.

Смотрели мы с Джоном на эту живую пуховую массу и мечтали, что когда-нибудь и у нас всё поменяется в лучшую сторону. Но все оставалось по-прежнему.

Так вот этот день. Поначалу пасмурный и скучный. (Черт возьми, лучше бы он таким и оставался). Мы увидели Рони неуклюже ковыляющего по направлению к своему дому. И все было ничего, если бы в его тощих потных ладонках не копошился голубь. Это был тот самый редкий вид турмана, о котором мы с Джоном в тайне мечтали – Венский гансел. С бурыми, как будто заржавелыми крыльями, с выразительными глазами, цвета спелой вишни. К тому же, по разговорам знатоков, наделенного королевской статью, со спокойным уравновешенным характером и способностью певуче урчать, как от удовольствия, так и от редкого негодования.

Мы молча переглянулись и пошли за Рони. Тот поначалу не замечал нас и что-то сам себе напевая, с беззаботным видом плёлся домой. Но пройдя пару кварталов, должно быть почуяв недоброе, неожиданно остановился. Боязливо оглянулся, близоруко прищурившись посмотрел на нас и со всей дури вчистил. Мы – за ним. Через минуту жалкий ботан был сбит с ног, по-видимому мной, а голубь, слава Иисусу, каким-то чудом бился в руках Джони. Я дал хорошего пенделя, распластавшемуся на пыльной дороге Рони, осторожно коснулся пальцем головы голубя, дабы проверить все ли с ним в порядке, и вскоре мы уже шагали к себе во двор гордые и довольные.

У Джона была дома клетка, старая, с проржавленными погнутыми прутьями, но вполне рабочая. Туда-то мы и определили наш трофей. Я принес из дому горсть пшена и немного белого хлеба. В крышку из под молока налили воды и присев на корточки принялись любоваться, теперь уже нашим красавцем. А он и впрямь был хорош. Гордо сидел в углу, недоверчиво поглядывал, то на предложенную пищу, то на нас – восторженных идиотов. Так ни к чему и не притронулся, словно клевать обычное пшено и пить сырую воду было ниже его голубиного достоинства. Что ж, такие они, видимо, Венские ганселы. Откуда нам простым смертным было знать их королевские пристрастия.

Спустя пару часов мы решили прогуляться до «стены плача», о которой я расскажу позже, разумеется, захватив с собой клетку с голубем. Что и говорить, не терпелось похвастаться перед местной ребятнёй. Но у стены никого не оказалось. Так частенько случалось в середине дня. Нас с Джоном это мало расстроило. Радость от легкой добычи настолько переполняла наши подростковые сердца, что мы, поставив клетку посреди пустыря, как два великовозрастных дебила, без устали нарезали круги вокруг нее, до конца не веря в реальность случившегося.

Но радость продлилась не долго. Вскоре о нас вспомнили. Не считая приунывшего ботана, их было трое. Все – белые. Первый и видимо главный, медленно ехал впереди на мотоцикле, а остальные твердо вышагивали, тревожа тяжелыми ботами сухую летнюю пыль. Компания о чем-то громко переговаривалась, весело подбадривала между болтовней Рони, уныло плетущегося чуть позади. Мелькнула мысль убежать, но раздался голос мотоциклиста:

– Даже не пытайтесь!

Когда они оказались в шаге от нас, Джон тут же получил ногой в пах и согнувшись, громко застонал. Мое лицо сжала чья-то огромная ладонь, а после последовал тяжелый удар. Я мгно-

венно почувствовал, как под глазом начинает что-то быстро расти. Через минуту, другую нас пинками оттеснили к «стене плача», находившуюся неподалеку от тех самых мусорных контейнеров, в которых так любил копаться белый старик. Клетка с голубем тем временем переключалась к Рони.

То была странная стена. В недалеком прошлом она являлась частью фабрики по производству пластмассовых изделий, и когда фабрика работала, от стены шел такой смрад, что у проходящих мимо горожан текли слезы. От того и название. Из этой стены зачем-то торчала ржавая рельса, метра два с половиной в длину. Ее назначение никто не мог объяснить, даже знающий всё на свете, белый старик.

Экзекуцией управлял всё тот же мотоциклист.

– Вы же знаете, что вы дерьмо! – ехидно скалясь, начал он, раскачивая подобно маятнику полуметровую железную цепь с припаянным патроном на конце, – дерьмо не умеет разговаривать. М-да... Дерьмо не умеет работать головой и руками... У дерьма нет головы и рук. Так ведь, Майк?

Я кивнул.

– А скажи, Майк, что умеет делать дерьмо?

Я молчал, ожидая очередного удара.

– Не знаешь? Это очень просто, Майк. Дерьмо умеет вонять. (Он расхохотался) Это ведь так просто. Ты воняешь, Майк!. Все чувствуют?!

Все, включая заметно повеселевшего Рони, с довольным видом закивали и переглянувшись рассмеялись.

– Так вот, Майк, – продолжал мотоциклист, – я не терплю вони. Я не люблю, когда кругом воняет, а еще больше я не люблю, когда дерьмо думает, что оно не дерьмо! А ты ведь дерьмо, Майк? Толстое, женоподобное дерьмо! Все в курсе?

Я молчал. Тем временем Джон почти разогнулся и с кислой миной исподлобья поглядывал на меня и на происходящие.

– Что, Джон, больно было? На, возьми еще, – подал голос второй детина – жилистый и высокий, и со всей дури врезал ногой опять в пах. Джон снова согнулся.

Мотоциклист тем временем начал озираться по сторонам, как будто чего-то выискивая, но не найдя, с сожалением сплюнул под ноги и в развалку подошел к торчащей рельсе. Немного помедлив, бойко подпрыгнул и вцепился в нее ладонями. Пару секунд повисев, стал всем телом тяжело раскачиваться, как стокилограммовый боксерский мешок на кронштейне.

– Хорошая штукавина, – заключил он, неожиданно соскочив на землю, – специально для такого унылого дерьма как вы. Джеки! – обратился он к своему третьему собрату – толстому веснушчатому ухарю, – залезь в контейнер, пройдишь по ништячкам, найди верёвку или что-нибудь похожее. Вздернем этих придурков. Пусть все местные нигеры знают, что с нами шутить – себя не уважать.

И Джеки отправился в сторону мусорных баков, хотя, стоит заметить, весьма не охотно. Вскоре, как будто чем-то разочарованный он вернулся, волоча по земле испачканный сырным соусом полуметровый обрезок каната.

– Нам нужно две, Джеки...

– Сам ройся в этом дерьме, если тебе надо...

– Ладно, – смягчился мотоциклист, – по очереди вздернем, сначала этого с отбитыми яйцами... А ты, толстый, смотри и примеряй на себя...

Я не выдержал, дернулся и хотел побежать, но получив подножку, рухнул прямо перед Джоном, которому уже сварганили петлю и накинули на шею. Лицо его было искривлено страхом и чувствовалось, что он еле держится на ногах. Мотоциклист пнул под рельсу валявшийся недалеко ящик из под детского питания и приказал Джону встать на него. Джон, словно не помня и не чувствуя себя, взошел на эшафот, а рыжий толстяк без промедления выбил

ящик у него из под ног. Мой друг повис. Его язык почему-то застрял между зубами и кровь алой змейкой поползла по подбородку. Он извивался как уж, а сдавленный прощальный стон вселил в меня ужас и панику.

– Молись за него, Майк, – ехидничал мотоциклист, – твоя жизнь, вернее ее длина зависит теперь от того сколько продержится этот ублюдок. Жди верёвку.

И я ждал. А Джон пока держался, но тут совсем плохо стало мне. Ноги подкашивались. Я понял, что эти парни не шутят и жизнь таких как мы, для них ничего не значит.

Джон стал затихать, я вновь, собрав последние силы попытался вырваться, как вдруг опять чья-то стальная клешня вцепилась в мои волосы и со всей дури ткнула лицом в «стену плача».

– Еще минута и он кончится, – усмехнулся рыжий, – потом твоя очередь, толстый. Осталось не долго.

Но тут до меня донесся знакомый голос.

– Эй вы! Дети бешеной коровы. Вам несказанно повезло родиться на десяток годков позже тех парней, что догнивают теперь в сайгонских джунглях, зажаренные гуками заживо... Люди, где вы!? Посмотрите на этих смельчаков! Они бесстрашны, как шакалы, не боящиеся пожирать падаль... Эй, придурки! Я к вам обращаюсь! Мне плевать, что будет со мной, но у одному из вас я все-таки продырявлю вот этой штуковиной (он помахал перед собой железной трубой) грудную клетку и посмотрю, что там вместо сердца...

Это был тот самый белый старик. Возникший из неоткуда и словно принесенный на одном из черных облаков, он стоял теперь неподалеку от нас, опершись на обрезок канализационной трубы. Чудак кричал так неистово, как будто хотел напугать самого себя... И его услышали. Вскоре пронзительное рыдание сирены прервало казнь.

– Рвем когти! – крикнул мотоциклист, – завел свою махину и компания исчезла, оставив после себя желтый туман пыли.

Мы со стариком кое-как стянули Джона с рельсы и опустили на землю. Он был мертв. Наверное, уже как минуту назад. Один глаз, широко открытый, черный и грустный, смотрел в точно такое же небо. Я осторожно закрыл его ладонью и взглянул на старика. Но тот теперь уже не замечал меня или делал вид, что не замечал. Вытирал краем рукава Джону кровь с подбородка и что-то невнятное бормотал себе под нос.

Джона похоронили через день. Его мать долго сидела возле гроба, тихо плакала, расчесывая сыну закругленным женским гребнем непослушную кудрявую челку. А отец, попивая пиво, с горечью в голосе сетовал на то, что отныне не сможет получать такие питательные и вкусные консервы для всей семьи, а также на то, что теперь по любому придется найти работу.

А я остался жить. Жить дальше. Но уже по-другому. Никогда никого и ничего не боясь. Жить, как в ожидании той самой веревки, которая в итоге дождетя каждого из нас. Рано или поздно.

Собеседник

Квартира, которую я снял за смешную цену, тем странным сентябрём в Ялте на Московской улице, на поверку оказалась смежной «двушкой», хотя приставленный ко мне риелтор, с хитро вздернутой обесцвеченной бровью, отчего-то твердо называл ее «однушкой». Так уж повелось у них «ялтовчан»...

Предстоящий отпуск грел загнанную столичной суетой душу двадцатью пятью сутками сущего безделья. Сулил оздоровление, как физическое, так и психическое. Да и могло ли быть иначе? Небо, цвета отполированного сапфирина – окрыляло! Солоноватый запах близкого моря, так замысловато перемешанный со смолистым ароматом хвои красавцев кипарисов – пьянил, пробуждая спящие желания.

Диковинные жителю центральной части России лавровые, оливковые, сандаловые деревья, стучащиеся от легкого ветерка каждое утро в окно, вводили сознание в запредельный мир сказки...

Всё это субтропическое изобилие вселяло надежду на лучшее, крепило изрядно подорванную за сорок лет веру в жизнь, которая по уверению мудрецов должна быть прекрасна несмотря ни на что.

План отдыха был немудрён. Ранним утром – легкий завтрак, купание в морской волне. Затем плотный комплексный обед в одном из ялтинских ресторанов. После полуторачасовой сон в почти антикварном кресле-качалке на просторной лоджии. А там, ближе к вечеру, в кафе «Садко» ожидал обильный полдник, где пирожное «Черный принц», залитое чашкой, другой зеленого чая Лю Ань Гуа Пянь, неизменно внушает обоим полушариям мозга, что единственная радость в жизни после сорока лет – еда.

По выходу из кафе не возбранялась неспешная прогулка восвояси, когда по Московской, когда по Киевской, а по возвращению просмотр украинских телепередач. Последние издавна вселяли в меня некий болезненный оптимизм, то ли от того, что я мало понимал «мову» и от души смеялся своеобразным трактовкам некоторых русских слов, то ли от того, что сам украинский язык по своей природе был куда более напевным, чем русский, и этой самой напевностью позитивистски услаждал слух.

И наконец вечером (что особенно грело) предстояло обязательное принятие местного алкоголя в виде ялтинского «Магарача» или массандровского «Хереса» плюс медитативное созерцание мельтешащих повсюду женских нижних конечностей.

Так бы оно, скорее всего и произошло, если бы не обстоятельства, неожиданно свалившиеся на меня сразу же, как я ступил задёшево купленными на местном рынке сланцами в предоставленную мне квартиру.

Расплатившись в коридоре с тем самым, немного странноватым риелтором я вошел в зал. Со стороны свободной от мебели стены мне сразу же послышался глухой, неопределённого пола голос. Его тембр был даже не альтовый, а контральтовый, к тому же скрипучий, наделённый легкой тремолической дрожью. Недолго размышляя, я убедил себя, что это голос старика, а не старухи. Уж больно он был не высок и по тесситуре более подходил к мужским голосам, ну, или же мне просто хотелось в это верить.

Женоголосый «старик» что-то безудержно бормотал, будто исповедовался, а местами поучал своего безропотного собеседника. Собеседник же упорно не отзывался.

Переведа дух, я решил, что невидимый болтун, либо законченный сумасшедший и разговаривает сам с собой, либо общается с домашним животным, вроде собаки или кошки. Предполагаемое животное в один миг вызвало жалость, потому как увещевания «хозяина» выходили настолько длинными, эмоциональными и даже хамоватыми, что воображаемый, к примеру, кот, выглядел героическим слушателем, достойным множества похвал и вкусных наград.

Смысл этих рассказов понять было сложно. Стена, разделявшая меня с разговорчивым соседом, скрадывала артикуляцию и дикцию. Но постепенно мой слух заметно окреп, приновился и я сумел кое-что разобрать:

– Опять ничего не съел! Разогреть больше не буду! – вкрадчиво говорил голос.

Или:

– Молчишь всё?! Хоть бы слово сказал...

Поставив вещи и немного оглядевшись в новом жилище, я решил более не услаждать себя соседскими бреднями и пойти прогуляться в город. Уж больно давно я ждал этого дня. Хотелось тотального расслабления, примитивного безделья, возведенной в культ лени.

А город кипел и все то, что я мечтал увидеть, почувствовать, выплеснулось, а затем и накрыло меня девятибалльной волной.

Здесь смешалось всё: фруктовый коктейль запахов, доносящийся с рынка, передвижение людей разного окраса и калибра, ненавязчиво шумящая, будто подгоняющая отдыхающих к морю, река Дерекойка. Гривны, рубли, доллары, дымящаяся кукуруза, сахарная вата. Извечно дорогой инжир, дешёвая пемза. Плачущие по поводу и без, дети. Такси разных пород, вездесущие таксисты, готовые отвезти тебя хоть на обратную сторону Луны. Предлагаемый повсюду самодельный коньяк, домашние вина и прилегающий к ним суджук с бастурмой...

Я брел по дорогам воспаленной Ялты, рассеяно смотрел по сторонам, укрепляясь в мысли, что всё это закипающее курортное безумие приобрело огромное значение лишь от того, что совсем рядом, огромным затаившимся зверем, распластав во все части света гигантские члены, лежало море.

«О, Господи – чуть не воскликнул я, пропуская сквозь себя пряную ялтинскую суету, – как же я решил отдать себя на растерзание этому городу?! Все-таки риск – благородное дело!»

Прошло полтора часа. Удостоверившись, что все мои мечты и фантазии вполне реальны, я, уставший и счастливый возвратился домой. Не успев пригубить бокал, только что купленного по дороге хереса, я вновь услышал знакомый голос:

– Сегодня будет прохладно, да и дождь ночью обещали... Одетым поспишь... Как же я вымоталась с тобой...

«Старуха! – чуть не воскликнул я, расслышав вполне чётко предпоследнее слово, – ничего себе! Так вот оно как! Старуха...

Почему меня это так взволновало, я и теперь с трудом могу объяснить, но видимо неожиданное маленькое открытие давало отгадку еще не загаданной временем загадке.

Далее раздался довольно сильный удар чего-то тяжелого об пол.

– Какой же ты грузный! Укрою тебя! – едва слышно прокричала она, – плед твой любимый, клетчатый... Помнишь, как покупали его в Киеве?

«Бедняжка, – рассуждал я, – должно быть это муж, скорее всего парализованный... О, Господи!»

Но вскоре мои рассуждения прервал поток старушечьего негодования:

– А в Киеве-то, как мне нервы трепал? Помнишь? Весь Крещатик обглазел! Выпить ему хотелось! Сколько можно!? Не могу, прям! Тварь! Алконавт! Чего глаза опустил, стыдно поди? Гадёныш, пей вот теперь! Что, не лезет?!

Неожиданно всё прекратилось. Старуха замолкла и тишина, возникшая внезапно, оглушила меня, заставив чуть вздрогнуть. Я подошел к стене и тихонько постучал. Как я и предполагал, межкомнатная перегородка оказалась гипсокартонной, от того и такая слышимость, от того и такая цена, от того и такая хитрая бровь у риелтора.

Дни отдыха потекли непрерывной чередой и если бы не словоохотливая соседка, я чувствовал бы себя вполне сносно. Но старуха существовала и почти весь день так или иначе напоминала о себе. Ее голос не умолкающей радиоточкой постоянно что-то бубнил. К тому же

непрерывные шорохи и стуки, рождающие в моей голове неприличные догадки, изрядно травмировали и без того потрепанную столичной жизнью психику.

Где-то ближе к середине отпуска в одной из многочисленных старушечьих исповедей я наконец-то услышал имя немого собеседника. Звали его Васенька. После такой новости мной овладело почти детское любопытство. Я во что бы то ни стало захотел взглянуть, как на Васеньку, так и на его мифическую хозяйку. И совсем скоро, наполовину мое желание исполнилось.

Как-то в один из дней, с энтузиазмом запекая в духовке парную телятину, я с досадой обнаружил, что по нерасторопности забыл купить приправу. В квартире не нашлось ни перца, ни тем более зиры и барбариса. К счастью, напротив кухонного окна росло развесистое лавровое дерево. Выглянув наружу дабы сорвать пару-тройку душистых листочков, я увидел, как из соседнего окна торчит голова пожилой женщины. Не возникло и тени сомнения, что это она.

Приобретенный загар, гастрономическая пресыщенность, а вместе с ними пришедшая уверенность в том, что программа-минимум, хотя и со скрипом, но выполнена, позволяли мне посвятить пару дней знакомству с надоевшей соседкой. Зная, что пожилые люди встают ни свет ни заря, я решил последовать их примеру и подняться с постели чуть раньше обычного.

По моим визуальным расчетам старухина квартира находилась в соседнем подъезде, туда-то я и отправился с утра пораньше. Взобравшись на третий этаж, мой нос уловил какой-то едкий специфический запах. Чем пахло в действительности, разобрать было сложно – нечто среднее между запахом лекарств и химикатов. Подойдя ближе к подозреваемой двери, которая, кстати, оказалась металлической, я почувствовал, как запах усилился. В один миг мной овладела спонтанная смелость и я что есть силы нажал на звонок. Увы, звонок не работал. Пришлось довольно сильно постучать. На мой стук за дверью послышались вялые шорохи, но спустя минуту они резко, как по команде, прекратились и все последующие стуки не получили даже малейшего отклика. Минут пять я нервно курил около злосчастной двери, пытаюсь разгадать природу странного запаха, но не найдя объяснения вернулся к себе.

Где-то ближе к обеду этого же дня, в состоянии глубокой подавленности я стоял в кухне у открытой форточки. Рассеянным взором смотрел на редких, спящих по двору кошек. Тот утренний запах и непрерывная старушечья болтовня не выходили из головы... Как вдруг подъездная дверь громко хлопнула и в безлюдный двор твердой поступью вошла она. Ошибиться было сложно: лицо, которое совсем недавно торчало из соседского окошка, полностью совпадало с лицом появившейся женщины. В ее руках находился небольшой газетный сверток. В некой нерешительности или, скорее, растерянности старуха (хотя таковой назвать ее было сложно) стояла посреди двора, и, казалось, кого-то тихо звала. Через несколько мгновений на зов прибежало полдюжины кошек, которым и предназначалось содержимое свертка. Покормив четвероногих, она еще несколько минут пробыла во дворе и вскоре уже неспешным шагом пошла обратно.

Внешний облик старухи показался мне малоинтересным. Это была обычная женщина лет шестидесяти пяти, с коротко стриженными, залезанными назад седыми волосами. Выражение ее лица сочетало необъяснимую растерянность и в тоже время строгость. Из особых примет, можно было выделить, пожалуй, несвойственную ее возрасту стать и стройность. Глядя на старуху, складывалось впечатление, что она стоит не во дворе, а, как минимум на танцплощадке.

Спускаться снова вниз стало лень да и чтобы я сказал ей? Посетовал бы на ее вечные разговоры, пригрозил или еще что-то в этом роде? Всё, пришедшее мне на тот момент в голову в одно мгновение показалось неубедительным и бесполезным.

Вторая половина отпуска постепенно становилась обузой. Наступил момент, когда я чуть было не решился сменить квартиру. Старухины бредни поступательно подрывали мою психику. Дошло до того, что своим спальным местом пришлось избрать кухню, (вторая комната была заперта), хотя и там старушечий голос великолепно прослушивался. Любопытство, кото-

рое еще недавно овладевало мной, бесследно улетучилось. На его смену пришли: раздражение, апатия, а в последние дни и депрессия. Мне стало без преувеличения все равно, что творится за тонкой перегородкой, гордо называемой стеной. В конце концов, где-то в глубине души я ощутил смирение и с тем, что мой так ожидаемый отпуск пропал по чем зря.

Но неожиданно случилось то, чего я еще недавно желал с нетерпением.

Должен пояснить, что мои последние дни пребывания в Ялте были отмечены прогрессирующим пьянством, если не сказать, алкоголизмом. Я бессовестно пил, потому как мечты, надежды, фантазии в ожидаемом качестве упорно не сбывались, и необходимо было хоть чем-то скрасить унылое существование. Как-то в один из таких дней, возвращаясь восвояси в изрядном подпитии, я наткнулся на свою соседку, мирно сидящую на лавочке во дворе. Мысль о том, что ее квартира, скорее всего, осталось не запертой (так поступали многие местные жители, ненадолго выходя во двор) пришла мгновенно. К тому же, при взгляде на старуху в ее руках не обнаруживалось ничего напоминающего ключей, да и карманов на ее халате не нашлось. Я быстро зашагал по направлению к подъезду, поднялся на нужный этаж и приятно удивился силе собственной интуиции. Металлическая дверь была чуть приоткрыта. Вряд ли бы я осмелился войти, не будь подшофе. В итоге, именно алкоголь сыграл в этой истории решающую роль.

Навстречу боязливой походкой, подметая брюхом паркет, вышел огромный жирный кот. Он был настолько толст и неуклюж, что мне стало его жаль.

– Ах вот с кем болтает старая грымза! – пугаясь собственного голоса, рассмеялся я.

Кот не обратил на мою реплику ровно никакого внимания, чуть покосился на приоткрытую дверь и теперь отчего-то с важным видом прошёл в кухню. Я уже собрался выйти вон, когда мой взгляд случайно упал на кресло, выглядывающее из большой комнаты. В кресле, спиной ко мне сидел человек. Его голова, облачённая в густой, ярко-коричневый парик была опущена и чуть наклонена в сторону. Рядом, на большом трюмо валялись какие-то тряпки и довольно объёмные склянки с надписями «Цинк» и «Формалин». Я подумал, что человек, скорее всего и есть парализованный муж, который теперь спит.

– Добрый вечер! – нарочито громко произнес я, – у вас дверь не заперта...

Человек не отозвался. Я еще раз сказал тоже самое, для верности залиvisto прокашлялся и осмелился пройти в комнату.

Сидящим в кресле оказался мертвец, а точнее, засушенный труп старика. Его рубашка была почти до пояса расстегнута, а на потемневшей, точно промасленной коже виднелись крупные небрежные стежки, сделанные, по моим догадкам, нерадивыми патологоанатомами одного из ялтинских моргов. Глаза были открыты, но в глазницах располагались, выточенные из бледно-зеленого оникса небольшие шарики, те самые, которые в изобилии продаются на многочисленных курортных лотках. В шариках зловеще отражался электрический свет, падающий от стоящего рядом торшера, отчего взгляд старика походил на взгляд фараонов изображенных на египетских гробницах.

– Бывает же... Отдых удался! – съязвил я.

Старик, казалось, смотрел на меня отрешённым и в тоже время вопрошающим взглядом. Будто выражал легкое недовольство моему вторжению. А я как вкопанный стоял рядом, словно под гипнозом его каменных очей, боясь не то что пошевелиться, а даже моргнуть. И конечно не мудрено, что не услышал, как в прихожей хлопнула дверь...

– Ну что, хорош, Васенька-то? – разорвавшейся петардой раздался, ставший почти родным, голос старухи.

Я вздрогнул, но пытаюсь сохранить самообладание, медленно поднял голову и утвердительно кивнул. Странное состояние овладело мной. Вместо того чтобы испугаться и поскорее уйти, мне пришлось в голову принять правила игры вездесущей старухи.

– Это еще что! – по-свойски продолжала она, вытаскивая ключ из замочной скважины, – полгода назад был куда свежее, да и рука еще не оторвалась. Сама виновата! С кресла на диван, с дивана в ванну... Может, передержала ненароком... Хотя, вроде, все по правилам делала... Хочешь ведь, как лучше... Да Вы садитесь... Сейчас чай пить будем...

Пока старуха копошилась в кухне, я мельком взглянул на руки Васеньки. И, впрямь, к моему удивлению, правая ладонь отсутствовала. Мало того, рукав рубашки проминался по всей длине. Вскоре, мы сидели втроем за круглым, сделанным из светло-коричневого шпона столом, с негласным намерением пить чай. Запах формалина и цинка, доносившийся с трюмо сеял упадническое настроение и страх, а приторная улыбка хозяйки подчеркивала несуразность ситуации.

– Вы, наверное, думаете, что я сумасшедшая? – читая мои мысли, застенчиво произнесла она, – Васенька опроверг бы ваши недостойные предположения...

Старуха разлила, не успевший как следует завариться чай по перламутровым чашкам, осторожно присела на край стула и аккуратно положив голову в раскрытые ладони, хитро улыбнулась:

– Я Вас сразу заприметила. И Ваше любопытство узрела. Да и дверь оставила открытой специально. Вы первый, кого Васенька пожелал увидеть. Есть в Вас что-то, этакое, обреченное...

Она открыла сахарницу, взяла стальными щипчиками кубик и бросила в мою чашку с большой высоты. Горячая капля иглой кольнула мне край щеки и внешнюю сторону ладони, но я превозмог боль и натянуто улыбнулся. Старуха оценила моё мужество, китайским болванчиком покачала головой и удовлетворенно продолжила:

– Любовь, знаете ли, иногда заводит в такие неслыханные дебри, что выбраться из них не всегда сподручно. Васенька не даст соврать! Моя жизнь, Вы уж позвольте мне быть откровенной, разделена как бы на две части. Первая – с Васенькой, вторая... (она чуть замялась) тоже с Васенькой. Я в прошлом балерина...

После последних слов старуха приосанилась и поправила без того прилизанную прядь седых волос.

– Это нынче я, – она стыдливо опустила глаза, – двумя словами – бабка с придурью! Но было время... Талия – сорок семь сантиметров! Шея длинная, лебединая... Хотя, признаюсь, примы из меня не вышло. Но Васенька плевать на это хотел с большой колокольни. Для него я была...

Она мечтательно закатила глаза кверху.

– Эх, что и говорить, всем я для него была! Он ради меня биохимию, науку, то бишь, забросил. А ведь сам покойный Мардашев¹ его хвалил... Ну а там, что? Устроился в театр наш рабочим сцены. И только для того, чтобы со мною быть повсюду. Вот ведь какой! Объездили мы с Васенькой почти весь Союз... В ГДР побывали, в Болгарии на Золотых Песках! А как ревновал меня! Дико ревновал!

Она сделала глоток чая и истерично рассмеялась:

– А Вы знаете, и не без основания! Меня мужчины всегда любили! Да и я их. Красивая женщина, по определению не может быть одна. Но тут, скажу я Вам, есть и положительные моменты... Эта ревность, как бы лучше выразиться, поджигала его, что ли... Будила чувства, страсть... Он после очередного моего вероломства, еще большей одержимостью ко мне прониклся. Хотя и переживал безмерно, иногда до сердечных болей. Пить пробовал... Думаю, первые его два инфаркта из-за этого и случились! А я? Спросите Вы... Да что, я? Хе-хе.. Посме-

¹ Мардашев Сергей Руфович (1906—1974), биохимик, академик (1957) и вице-президент (1963) АМН СССР, Герой Социалистического Труда (1964). Ученик Збарского Б. И. (сов. биохимик, действит. чл. Академии мед. наук СССР (с 1944).), занимавшегося бальзамированием В. И. Ленина.

ивалась над ним! Молодая, глупая, дерзкая! Забавляло меня это, по правде сказать. Вы чай-то, пейте... Что ж, Вы? И ты – Васенька, пей! Сейчас я Вам руку покажу...

Пока старуха, не переставая смеяться, искала руку, я осторожно посмотрел на Васеньку. Тот так же угрюмо смотрел в никуда, выказывая полнейшее равнодушие, как к чаю, так и к чаепийцам.

– Во всем виновата люстра! – уже серьезным голосом заговорила она, держа обеими ладонями оторванную конечность, – за полгода до кончины, у него первый инсульт грянул. Не ходил месяца два. Говорил очень плохо. Потом, как ни странно, всё наладилось. А я, грешным делом, смерти его ждала... Посмотрите, какая утонченная кисть!

Она с нескрываемой гордостью поднесла мне руку под самый нос.

– И линии на ладони, какие четкие. Напротив линии судьбы, видите звездочку? Это я! Любовь его единственная...

Она осторожно положила Васенькину руку на трюмо рядом с тряпками и склянками, нежно погладила ее, затем чуть сжала и едва не прослезившись продолжила:

– В то утро лампочка перегорела. М-да... Во всех трагедиях, скажу я Вам, виноваты всегда какие-нибудь маленькие штучки: лампочки, верёвочки, бантики... Встал на табуретку, запрокинул голову... Видимо, давление поднялось... Коротко говоря, рухнул и... всё на этом закончилось. А точнее говоря, у него закончилось, а у меня, напротив – началось. Думала похоронить его, как и полагается... Не смогла. Жаль расставаться было, до слез жаль. Не могла я, понимаете!?! Да и пенсия его не лишней будет... Нашла какие-то книги его по химии, конспекты... Он, знаете ли, когда-то такой увлеченный всем этим был. Почитала что-то, что-то сама придумала. Решила сохранить. Вы уж простите за сравнение, как тушёнку! Да, да! И не смейтесь! Человек ни чем не лучше, в этом смысле. Для себя сохранить. Родственников у нас близких никогда не было, все больше дальние, чужие... да и друзей не осталось... Так что он, как бы жив, официально, а для меня уж на все сто... Ну так вот... И сохранила... С мозгом, правда, сложности были... Трепанация, знаете ли, не простая процедура... Электробиоэлектрики, дрели... Будь они не ладны! В общем, справилась как-то... У меня после его кончины такая нежность к нему открылась. Словно рана! Как к ребенку, что ли. Захотелось отдать ему всю себя, всё, что при жизни не успела. Да, Васенька? – старуха игриво шелкнула двумя пальцами мертвецу по носу, – он хоть и не в себе, но все понимает... Рука, жалко, отвалилась. Что ж я такая безалаберная!?

Ни с того ни с сего старуха зачем-то легонько пошлепала себя по щекам. Нервно хлопнула в ладоши, оглянулась по сторонам и понизив голос, как-то отстраненно произнесла:

– Вам, наверное, пора уже! Вы заходите, если время позволит. Мы с Васенькой Вам теперь завсегда рады... Жаль рука у него отвалилась... Хорошая была рука, нежная, любящая...

Я послушно вышел из-за стола. Неожиданно для себя самого поклонился сначала Васеньке, затем старухе и торопливо направился к выходу.

– Спасибо за чай! – только и смог выдать я...

По приходу домой, полбутылки «Столичной» выпил залпом. Вторую половину допивал весь вечер. Всю ночь снился Васенька, кот и море...

На следующее утро заспанный, неумытый, с чемоданом в руке я вышел из подъезда во двор. Погода стояла гадостная, субтропический дождь без усталости пузырился в лужах. Тучи, цвета мясных помоев, как пазлы выстроились в тревожную картину-мозаику, похожую на гри-масу джокера. Но несмотря на это в душе царил ожидание грядущего покоя. Скорый отъезд обнадеживал и согревал утомленное сердце. Я в последний раз боязливо огляделся по сторонам, топнул на пробегающего черного котёнка, с облегчением сплюнул и осторожно поднял голову кверху. Взгляд безошибочно отыскал старухино окно. Слава Богу, в нем никого не оказалось. Но из окна своей бывшей квартиры, которое было соседним, выглядывала улыбающа-

яся знакомая физиономия и еще что-то махающее или мельтешащее. Протерев глаза и взглянув вновь, я рассмотрел оторванную человеческую руку. Снизу, при дневном свете конечность выглядела, куда более желтой и иссушенной, чем вчерашним вечером. Она жалобно помахивала мне, должно быть, прощаясь. Рука Васеньки. Я тоже поднял свою руку, помахал и пошел прочь...

Инфант

Антонина Александровна имитировала оргазм из ряда вон плохо. По окончании действия торопливо соскальзывала с меня – вялого, обессиленного, вспотевшего; неуклюже складывала вдвое свое костлявое дряблое тельце и, обняв обеими руками тощие заостренные коленки, показушно вздрагивала, изображая сладострастные оргазмические конвульсии. Затем же, думая, что я не замечаю, исподлобья боязливо поглядывала в мою сторону, оценивая в свою очередь, мою реакцию на ее фальшивую страстность. Окидывал я Антонину Александровну в такие минуты нордическим взглядом, точно Штирлиц злосчастные чемоданы радистки Кэт, смиряя невероятным усилием воли мимическую мускулатуру и в то же время, от всего своего девятнадцатилетнего сердца жалея. Да, именно жалея, и никак иначе, а заодно и рассуждая про себя о природной женской наивности и даже глупости. Ведь мне, оторванному от родного дома на целых шестьсот пятьдесят километров, к тому же безнадежно рядовому Советской Армии, вполне хватало ее куриного супчика с потрошками, жареной картошки с тщательно почищенной сельдью и сознания того, что в очередное увольнение, где-то в серокаменных джунглях Строгино меня кто-то неизменно ждет. Но она ничего не знала, да, наверное, и не хотела знать о моих «сиротских помыслах», от чего нахально продолжала и продолжала свое бездарное лицедейство. «Черт возьми, – сокрушался я в сердцах, был бы ты Саня, хотя б на треть Немирович, или на четверть Данченко, точно бы возопил: «Не верю!» Но моя фамилия звучала совсем по-иному и от того я смиренно молчал.

Познакомились мы с ней, как это не пошло звучит, около элитного американского ресторана именуемого «Трен Мос». (Чем только не напичкивали в те годы Комсомольский проспект). Что я там делал зябким октябрьским вечером в солдатском «стеклянном» ХБ и кирзовых сапогах, трудно вспомнить, но видимо что-то не очень хорошее. Помнится, рядом с этим заведением находилась овощная палатка, а невдалеке от нее, огражденный плотной сеткой Рабица склад с дынями и арбузами. Случалось, в основном под полночь мы – солдаты срочники туда бессовестно наведывались. Самый мелкий и худой из нас проникал через узкий проем в закрома уроженцев Кавказа, брал пару-тройку арбузов или дынь-торпед, просовывал их в этот же проем обратно и вылезал сам.

Видимо с одним из тех самых арбузов я и подкатил к проходившей мимо женщине с огненно-рыжими, развивающимися от осенней непогоды волосами. Показалась мне она тогда довольно милой и сексапильной. (Мысли в то время в моей голове работали исключительно в одном направлении). Может даже и фрукт-ягоду презентовал, не столь важно, но что и говорить, закрутилось, завертелось... Позвонил, приехал. А потом, как говориться, зачастил. И частота моя, стоит заметить, Антонине Александровне пришлось по душе и по телу – одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.